

ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СИНОНИМИИ

Литвинчук И. Н., аспирант кафедры

методики преподавания филологических дисциплин

В даній роботі здійснена спроба виявлення диференціальних ознак емотивних синтаксических конструкцій з затушенням методів функціонального, компонентного і психосемантичного аналізу. Завданням дослідження було з'ясувати, чи має арсенал емотивних конструкцій, різнооформлених в плані морфологічного вираження предиката, різнообразні значення «живого суб'єкту і його стану» чи володіє загальним типовим значенням. Таким чином, вивчаються можливості членів передбаченого типонімічного ряду до взаємозаміщення з відповідними відтінками загального значення в залежності від типу вираженої емоції і особливостей типової комунікативної ситуації. В ході дослідження виявлено, що даний процес обмежений відповідними структурно-семантичними умовами, тому що відмінність в оформленні формальних компонентів розглядається типів речень відображає суб'єктивну реальність, тобто характер і тип емоції, її належність до тієї чи іншої зони по шкалі оцінності, акцентує ту чи іншу сторону, відтінок почуття, виявляє ступінь інтенсивності відчуття, активність чи пасивність сприйняття. Вибір емотивних конструкцій відображає і реальні психологічні інтенції мовця, основні риси його темпераменту (психотизм, невротизм, екстраверсія/інтрроверсія).

The main purpose of the research is elucidating the differential signs of emotive syntax constructions (EC) by the methods of functional, component and psychosemantic analysis. In the research we shall investigate the supposed synonymous series' faculty for interchangeability with respective shades of meaning depending on the type emotion expressed. The difference components' form of EC reflects the subjunctive reality i.e. the emotion's character and types, the intensity of sensation, activity or passivity of perception. We shall make an attempt to observe the tendency of limited choice of syntactic partners for nominative, expression various emotions in a certain emotive situation on the material of ES with various means of expressing predicate. The choice of predicates with different categorial-morphological characteristics depends on author's psychological intentions (psychotism, extroversion/introversion, neurotism).

Синтаксическая синонимия, по признанию большинства лингвистов, – явление семантическое в самом широком смысле этого слова. Для адекватного определения семантики языковых выражений необходимо наряду с изучением собственно языкового значения (сигнификата) и предметной соотнесенности (денотата) единиц языка исследовать также коммуникативные факторы формирования смысла высказывания. Контекстная, речевая синонимия базируется на соотнесенности синтаксических структур с одним и тем же экстралингвистическим объектом, системная же, языковая – на тождестве семантики синтаксических конструкций. Коммуникативный анализ системных синтаксических синонимов позволяет проследить процесс их реализации в речевой деятельности, т.е. то, каким образом синтаксические конструкции реализуют свои сигнификативные значения. Установление факта нейтрализации дифференциальных признаков синтаксических синонимов позволяет последним беспрепятственно соотноситься с одной и той же экстралингвистической ситуацией, вследствие чего становится возможной их синонимическая замена. Взаимозаменяемость является необходимым следствием синтаксической синонимии, производным от совокупного действия семантического, структурного и функционального критериев синтаксической синонимии.

Следует отметить, что синонимизация синтаксических структур происходит не на уровне значений структурных схем предложений, а на уровне смысла высказывания, в рамках которого они употребляются. Это позволяет уточнить основной критерий синонимичности синтаксических структур, под которым понимается относительное тождество смысла последних при сохранении различий в их категориальных значениях.

В рамках ситуативного синтаксиса семантическая структура предложения определяется как целостное наименование события или ситуации, как единица, обладающая номинативной функцией [1, с. 42]. Таким образом, предложения, отражающие одну и ту же ситуацию, рассматриваются как синтаксические синонимы. В коммуникативно ориентированной

грамматике смысл предложения интерпретируется как определенное семантическое соотношение между субъектом и предикатом предложения, т.е. как пропозиция.

В данной работе осуществлена попытка выявления дифференциальных признаков эмотивных синтаксических конструкций (ЭК) в психосемантическом аспекте. Это один из этапов процесса выяснения потенциальных возможностей взаимозамещения ЭК различных типов в определенных ситуациях вербальной коммуникации.

Такой психолингвистический феномен, как *эмотивность*, рассматривается нами как свойство языка выражать эмоциональные состояния посредством кодифицированных единиц – *эмотивов*. Функционирующие на синтаксическом уровне *эмотивные конструкции* (ЭК) обычно отражают *типовую эмотивную ситуацию* [2, с. 14] «субъект + описание его состояния» или «субъект + объект (т.е. предмет обсуждения) + эмоция, которую он вызывает у субъекта».

Необходимо осветить некоторые вопросы, связанные с понятиями «состояние» и «предикат». Известно, что термин «предикат» восходит к Аристотелю [3, с. 28]. Так, типы «предикаций» Аристотеля распределяются по двум группам, противопоставленным по признакам «существенности» и «случайности». В соответствии с принципами современной коммуникативной лингвистики они могут быть соотнесены с двумя крупными классами предикатов: 1) предикации с сущностным, эссенциальным признаком; 2) предикации с несущностным, «случайным» признаком. При этом понятие «несущественности» понимается не как признак, не заслуживающий внимания, что противоречило бы одному факту его типизации в языке, а как признак, не вытекающий из сущности, как синоним терминов «временный», «отъемлемый», «преходящий». Эмотивные предикаты логично будет отнести именно ко второму типу в соответствии с психологической трактовкой понятия эмоции как ситуативно обусловленного состояния человеческой психики.

В современной русской грамматической традиции представлены различные концепции предикатов вообще и предикатов состояния в частности. Так, Ю.С.Степанов [4] рассматривает состояние как результат действия: достижение критической точки действия знаменует начало определенного состояния, причем конечной семантической сущностью является не переходное или каузирующее действие, а именно их результат – состояние субъекта. В.Г.Гак [5] различает два основных типа предиката: процессный и квалификативный. Квалификативные предикаты идентифицируют, классифицируют или характеризуют предмет, процессные же выражают состояние, действие или отношение субъекта. В аспекте эмоционального состояния предикаты первого типа можно спроектировать на семантическое явление номинации эмоции, ее оценки и, возможно, экспликации «статического» состояния. Предикаты второго типа, вероятно, предназначены для выражения процессуального или динамического эмоционального состояния. А.Е.Кибрик [6] выделяет три типа предикатов: качества, процессы и состояния, усматривая в последних универсальный статус и возводя их в ранг важнейшей категории. Действия подразделяются на предельные и непредельные, состояния могут быть органическими и производными. Органическое состояние мыслится как неотъемлемая характеристика основного участника эмотивной ситуации и не возникает в результате какого-то другого состояния или действия. Производные состояния представляют собой результат завершения действия, выражаемого предельными глаголами. Таким образом, производные состояния можно рассматривать как результативы, органические – как стативы. Т.В.Булыгина [7] полагает, что предикаты состояния характеризуются временной связью, актуальностью, эпизодичностью, что их отличает от предикатов качества, и статичностью, длительностью, неконтролируемостью, что их отличает от предикатов действия. У О.Н.Селиверстовой предикаты состояния выделяются на основании следующих дифференциальных признаков: 1) состояния занимают отрезок, а не точку на временной оси; 2) состояния не изменяются в течение всего отрезка времени, пока они делятся (но не протекают); 3) состояния ориентированы на субъект; 5) состояния имеют неактивный субъект и не требуют приложения силы, чтобы иметь место.

Основанием выбора в качестве основного принципа классификации ЭК морфологического способа выражения предицирующего компонента явилось положение Г.А.Золотовой о том, что «соответствие основного категориального значения ведущих частей речи в составе предиката основным категориям внеязыковой действительности, структурированной национальным языковым сознанием, лежит в основе организации предложения и его типологии» [8].

Попытаемся проследить тенденцию несвободного выбора ЭК различных типов и вариативной реализации их дифференциальных признаков в рамках эмотивной типовой ситуации.

Субстантивные ЭК со структурной схемой «имя существительное в именительном падеже» (Ср.: Упр. *Необъяснимая радость и легкость ощущений*) служат средством номинации эмоций различных типов обычно без указания на их этимологию. Каузация таких эмоций восстанавливается из вертикального контекста. Субстантивные ЭК употребляются преимущественно в случаях самооценки, т.е. индикации субъектом-носителем состояния, автором высказывания собственной ситуативной эмоции. ЭК данного типа наиболее естественны в контексте моделированной, экспериментальной диалоговой коммуникации при ответе на вопрос: «Каковы ваши эмоции, чувства, настроения?» или же в случае квалификации эмоции как некой экзистенции с эксплицированным бытийным содержанием. При квалификации семантических особенностей субстантивных ЭК следует учитывать мнение, высказанное Н.Д.Арутюновой о том, что в русском языке «существительное в функции предиката обозначает только постоянное свойство субъекта» [1, с. 162]. Таким образом, субстантивные ЭК выражают свойства и качества «положения дел» субъективной действительности, иначе говоря, различных феноменов психической жизни субъекта-носителя состояния. Следовательно, данные ЭК можно соотнести с «оценочными состояниями», характеризующими конкретную эмоцию как собственно экзистенцию. В соответствии с морфологическим наполнением субстантивные ЭК представлены двумя базовыми типами: 1) предикат выражает существительным, называющим конкретное имя эмоции (Ср.: *Совершенное отчаяние...*); 2) предикат-классификатор, выражющий родовое эмоциональное понятие (Ср.: *Ужасное настроение*). В первом случае это полнозначные номинации качества, типа эмоций-состояний, которые обычно подкрепляются прилагательными -интенсификаторами и способствуют ассоциативному соотнесению данной эмоции с различными точками (отрезками) на шкале интенсивности проявления как положительного, так и отрицательного эмоционального состояния. Таким образом, имена-качества эмоций уже содержат в себе необходимую «плюсовую» или «минусовую» сему. В конструкциях второго типа «объективные» (*положение, состояние*) и «субъективные» (*настроение, самочувствие, чувство, ощущение*) эмотивные предикаты-классификаторы, как неполнозначные, недостаточные по смыслу, обязательно сочетаются с определениями, обозначающими качественный признак эмоции. Качественные субстантивные ЭК обозначают более конкретный, постоянный, устойчивый во временном отношении признак эмоционального состояния, чем это проявляется у классифицирующих субстантивных ЭК, в которых эмоция предстает не только несколько «приглушенной», менее интенсивной, но и значительно ограниченной во времени. Таким образом, эти конструкции можно отнести к разряду органических (то есть непроизводных) состояний -стативов. Субстантивные ЭК содержат абсолютно неагентивные (субъект состояния не эксплицируется и представляется совершенно пассивным) предикаты, характеризующиеся признаком неконтролируемости обозначенного ими эмоционального состояния. В этом и состоит основное отличие ЭК данного типа от глагольных и причастных ЭК.

Своебразной модификацией субстантивных ЭК являются **предложно-именные ЭК** со структурной схемой «им. п. имени + в + предложный падеж имени» (Ср.: *Не трогайте его: он сейчас в плохом настроении; Начальник в гневе*), которые могут включать и глаголы-связки со значением адаптивного введения в определенное состояние (Ср.: *Его слова привели меня в бешенство; Это известие повергло меня в уныние*). Глаголы данного типа служат своеобразным «буфером» между интенсивным состоянием и его каузатором; следует также учитывать фразеологизированность подобных структур. Абсолютная замкнутость такого рода эмоциональных состояний на субъекте создает впечатление полной «погруженности» лица в данное неконтролируемое состояние, а также пассивности субъекта по отношению к состоянию, невозможности «вырваться» из него. Это значение подкрепляется также и бытийной, экзистенциальной семантикой «нейтральных» глаголов-связок *быть, находиться* (Ср.: *После своего бурного успеха на конкурсе он сейчас находится в веселом расположении духа*). В предложно-именных ЭК не эксплицируется признак фазовости: состояние мыслится как нечто цельное, неделимое, неквантифицируемое. Однако введение активного глагольного компонента несколько видоизменяет семантику: проявляется значение либо мгновенной атаки эмоции на субъект (Ср.: *Я пришел в ужас...*), либо «угрозы» постепенного, но неотвратимого вовлечения субъекта в состояние (Ср.: *Все эти слухи ввергли меня в пучину сомнений*). В такой ситуации

основная роль отводится дифференциальным признакам неожиданности и неконтролируемости выражаемого состояния, а также его определенной протяженности во времени.

Адъективные ЭК (схема «им. п. имени + отыменное/отглагольное прилагательное») содержат предикат, выраженный так называемыми «активными» прилагательными (Ср.: *Вчера он был бодр и весел*). Выше уже отмечалось, что оценка, выражаемая в высказываниях с эмотивной семантикой, характеризует собственно состояние, а не его субъект, поскольку состояние не сущностный, неотъемлемый признак, а привходящий, привнесенный. В противном случае речь идет уже не о состоянии как временном признаком, а о сущности как постоянном качестве. Однако в отношении адъективных ЭК это справедливо лишь отчасти. Так, в предложениях типа *Она сегодня какая-то грустная, скучная/ Он почему-то сердит* выражается оценка, характеристика субъекта не только в плане внутреннего, психического состояния, но и в аспекте его внешних проявлений. Вероятно, автором высказываний такого рода является сторонний наблюдатель, «независимый эксперт», который фиксирует поведение субъектносителя эмоционального состояния с той или иной степенью объективности. Дифференциальными признаками здесь являются осознанность состояния при его неконтролируемости и неагентивности (но не пассивности). Поскольку идентификация состояния субъекта говорящим происходит в какой-то определенный момент (состояние *грусти, скучи* может исчезать, а затем, возможно, снова возникать в другой период), то эмотивный признак в данном случае ограничен во времени. Исключением из правил становится адъективные ЭК с субъектом в первом лице (Ср.: *В те времена я была так счастлива!*), в которых обобщенно-интенсивное состояние-характеристика (*счастье/несчастье*) подразумевает очень высокую степень его осознанности и абстрагированности.

Адвербативные ЭК имеют в качестве предикативного компонента, выраженный либо наречием с оценочной семой (Ср.: *Это чудесно!*), либо категорией состояния (Ср.: *Мне так грустно...*). Следует отметить, что в первом случае квалифицируется не состояние, но дается эмоциональная оценка определенному явлению объективной действительности. В этой связи отметим положение, высказанное В.Н.Мигириным о том, что форма типа «радостно» генетически связана с краткими прилагательными и должна рассматриваться как новое образование в парадигме имен прилагательных [9]. При определении семантики конструкций типа *Мне страшно* следует помнить, что статус категории состояния до сих пор нельзя считать утверждившимся в русистике. Например, А.Е.Кибрик [6] рассматривает категорию состояния как универсальный семантический класс, «противоположный процессам и действиям». Действительно, состояние, эксплицируемое в подобных конструкциях, воспринимается как пассивное, недеяльное и непроцессуальное, как некоторая безысходная данность, которая едва ли может быть подвергнута коррекции со стороны самого субъекта. Поэтому, учитывая классификацию предикатов, предложенную О.Н.Селиверстовой [7], рассматриваемые ЭК можно квалифицировать как пассивно-денотативные рефлексивы. В адъективных ЭК эмоциональный признак чувствующего субъекта представлен как бы изнутри и описывается самим субъектом. Внутреннее же состояние других говорящих может определить и оценить лишь по внешним признакам с той или иной степенью вероятности или предположительности (Ср.: *Мне кажется, что ему просто страшно*). Состояние в адвербативных ЭК мыслится как занимающее некоторый отрезок на временной оси. Однако предикаты, выраженные словами категории состояния практически не сочетаются с обстоятельствами времени (едва ли возможно: *Вчера мне было страшно, а сегодня уже весело*).

Следует отметить существование в языке семантически сложных типов адъективных конструкций. Так, первый «совмещенный» тип адвербативных ЭК (бытийный предикат состояния + процессный глагольный предикат с фазовым значением: *Мне стало скучно*) демонстрирует тот факт, что «начало состояния одновременно предполагает его изменение по фазе, его смену, переход из одного состояния в другое» [7]. Следующая модификация ЭК данного типа (категория состояния + инфинитивный оборот: *Ему ужасно больно было это осознавать*) выводит на первый план именно оценочную сему, в то время как значение состояния скорее предполагается, чем эксплицируется.

Глагольные ЭК – многогранное по своей семантико-сintаксической структуре образование. О.Н.Селиверстова классифицирует предикаты, сочетающиеся с именами состояния исходя из принципа, что они отражают разные стороны эмотивной ситуации: « 1) отношение между субъектом, испытывающим состояние и признаком (*испытывать, переживать*); 2) каузативные предикаты (*внушать, вызывать*); 3) видовые предикаты, обозначающие начало, конец,

продолжение состояния (*смениться, впасть*); 4) предикаты, ориентированные на качественную характеристику состояния, куда входят и предикаты интенсификации (*нарастать, увеличиваться*) [7]. Все эти глаголы неполнозначны, т.е. не способны выражать эмоциональные состояния вне дистрибуции с именами-эмотивами. Некоторые из них (*испытывать*) указывают на отсутствие волевой активности субъекта-носителя состояния (Ср.: *В такие минуты я испытываю безотчетный страх*), другие вносят в семантику предиката оттенок высокой степени осознанности данного состояния (*Какой ужас я тогда почувствовал!*).

Полнозначные глаголы – референты эмотивной ситуации также представлены несколькими семантическими классами. Глаголы устойчивого эмоционального состояния (*любить, ненавидеть*) обладают признаком «неквантифицируемости», т.е. не могут выражать серию повторяющихся одноактных ситуаций проявления чувств любви, ненависти и т.д. Такие глаголы, обозначающие глобальные, обобщенные эмоции, сочетаются с наречными интенсификаторами (Ср.: *Как сильно мог он ненавидеть!*), что свидетельствует о приложении субъектом определенных усилий для продления эмоции. Следовательно, в этом случае можно говорить о «нестрадальности» субъекта (возможно значение императивности: *Вы не должны так его ненавидеть!*). Глагольные предикаты типа *нравиться*, как и причастные, могут быть квалифицированы как экзистенциально-результативные эмотивные предикаты, так как они описывают эмотивную ситуацию как некоторую «данность» области психики человека. Здесь эксплицируется значение того, что в сознании субъекта «присутствует» данная эмоциональная интенция, сформированная с сознательным или бессознательным участием субъекта или без него: такому состоянию не свойственна постоянная актуализированность.

Как известно, действия и процессы связываются с представлением о нестабильности, являющейся референтом динамической ситуации. Последняя предполагает обязательность изменения во времени и требует «приложения энергии» для своего поддержания. О.Н.Селиверстова отмечает, что «отличительной чертой действий и процессов можно считать то, что они существуют пофазно, т.е. в каждый отдельный момент существует отдельная фаза развертывания действия или процесса, а не действие, процесс в целом, в отличие от состояния» [7]. Следует ли из этого, что глаголам следует отказать в праве выражать некоторое эмоциональное действие, процесс или состояние? Вероятно, для ответа на этот вопрос следует опираться на базовые критерии выявления оппозиции действие/состояние: это принцип фазовости/нефазовости и агентивности/ неагентивности. Действительно, применительно к выражению эмоциональных процессов едва ли корректной может считаться сентенция: *В эту минуту я радуюсь больше, чем полчаса назад*. Существует несколько вариантов лингвистических тестов, которые убедительно доказывают тот факт, что глагольные ЭК служат в естественном языке для выражения именно эмоционального состояния (возможно, с процессуальным оттенком). В соответствии с одним из них, слово *совсем*, характеризующее достижение определенного качественного предела, сочетается с предикатами качества или состояния, но не с предикатами действия. Действительно, вполне естественными выглядят конструкции типа *Ему стало совсем страшно; Он совершенно охарчен*, но не случаи типа *Он совсем радуется* или *Он совершенно печалится*. Однако применение гesta с наречным выражением *все сильнее*, которое свидетельствует о нарастании определенного «качества» и, следовательно, может сочетаться только с предикатами, способными изменяться во времени, создает противоречивую картину: возможно *Она любит (ненавидит, радуется, тревожится) все сильнее и сильнее, но не Он влюблен (встревожен) все сильнее*.

Учитывая давнюю традицию разделения глаголов на «целевые» и «нечелевые», «глаголы осуществления» и «глаголы движения» [3], возможно, следует различать эмотивные глаголы результативного состояния (Ср.: *Я почувствовал страх*) и глаголы, выступающие референтами стативного состояния-процесса (Ср.: *В то время она постоянно чего-то боялась*). Здесь актуализируется противопоставление глаголов по признаку «пределность/непределность», который может быть соотнесен с видовой дифференциацией. Так, непределность связывается с невозможностью для данного глагольного значения функционировать в совершенном виде. «Русская грамматика» [10] квалифицирует глаголы с непределным значением как «глагольные основы, не способные по своей семантике выражать достижение или стремление к достижению такого предела». Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что в отношении денотата глагольных предикатов с эмотивной семой уместен термин не «эмоциональное действие», а «эмоциональное состояние», характеризующееся, однако, высокой степенью агентивности

субъекта состояния, осознанности и, возможно, контролируемости данного процесса-состояния.

Причинное значение является сопутствующим фактором для состояния. Причина может быть внутренконтекстной и пресуппозиционной, определяя два различных способа сочетаемости в тексте. Поэтому следующим критерием для подразделения эмотивных рефлексивов на группы является признак каузации: явной, как в перфектных результатах, и неявной, вытекающей не из значения грамматической категории перфектности, а из контекста. В первом случае это субъектно-неагентивные рефлексивы (причастные формы страдательного залога, которым аксиоматически постулируется перфектность: *Он увлечен*), а во втором – это объектно-каузативные рефлексивы (Ср.: *Меня очень беспокоит ваше состояние*). В страдательном залоге выделяются две разновидности: пассив действия (акциональный пассив) и пассив состояния (статальный пассив). **Причастные ЭК** следует отнести к статальным пассивам, в которых субъекты-носители состояния воспринимаются как страдательные, пассивные, неагентивные. Характерно, что причастные ЭК, как и адъективные ЭК, используются в основном в ситуациях объективной оценки говорящим «чужого» состояния.

Итак, в данной работе выделены основные дифференциальные признаки эмотивных синтаксических конструкций. Представляется, что выбор той или иной ЭК с ее индивидуальными семантическими признаками отражает как реальные психологические интенции говорящего, основные черты его темперамента (психотизм, невротизм, экстраверсия/интроверсия), так и особенности конкретной типовой эмотивной ситуации.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований. – М.: Наука, 1980. – С.42.
2. Всеволодова М.В., Ященко Т.А. Причинно-следственные отношения в современном русском языке. – М.: Наука, 1988. – С.14
3. Аристотель. Метафизика. Соч., Т.1. – М.: 1976. – С.28.
4. Степанов Ю.С. «Перфектный центр» в русском синтаксисе. – Изв. АН СССР, СЛЯ, 1980, - Т. 37. – № 4.
5. Гак В.Г. Русский язык в сопоставлении с французским. – М.: Русский язык, 1975. - 278 с.
6. Кибрик А.Е. Предикатно – аргументные отношения в семантически эргативных языках: – Изв. АН СССР, СЛЯ, 1980, – Т. 39. – № 4. – С. 45 –53.
7. Семантические типы предикатов / Под ред. О.Н.Селиверстовой. – М.: Наука, 1982. – 365 с.
8. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М.: Наука, 1982. – С.171, 207.
9. Мигириш В.Н. Категория состояния или бессубъективные прилагательные? // Исследования по современному русскому языку. – М.: Наука, 1970. – С. 73
10. Русская грамматика. – Т. 1. – М.: Наука, 1980. – 783 с.